

лизації и русской отсталости, косности въ главномъ русскомъ племени—великорусскомъ, совпадали съ предубѣжденіемъ малороссовъ противъ великоруссовъ, противъ Москвы, совпадали и съ ихъ племеннымъ тщеславіемъ, что они лучше, развитѣе великоруссовъ, между прочимъ, и потому, что ближе къ западной Европѣ, знакомѣе съ ея цивилизаціей. Н. И. Костомаровъ лишь усилилъ это направленіе теоріи, и по свойственной ему впечатлительности довелъ ее до такой крайности, что сталъ возвеличивать болѣе видныхъ русскихъ самодержцевъ, отчасти Іоанна III и особенно Петра I и Екатерину II. Здѣсь что ни слово, то фантазія, приписывающая мнѣ такіе взгляды, какихъ я никогда не имѣлъ и, главное, нигдѣ не заявлялъ въ печати. Гдѣ и какъ подмѣтить могъ сочинитель „Исторіи русскаго самосознанія“ у меня какое-то „племенное малороссійское тщеславіе“, побуждавшее меня возвеличивать малороссіянъ предъ великоруссами и утверждать ихъ превосходство въ цивилизаціи? Причемъ тутъ какое-то племенное тщеславіе, если, по моему глубокому убѣжденію, —я говорилъ, что малороссійскій народъ добродушнѣе и поэтичнѣе великорусскаго, но въ практическомъ развитіи уступаетъ ему значительно.

На стр. 460, въ той же книгѣ съ мудренымъ названіемъ, говорится: „Не довольствуясь яснымъ и почти общепризнаннымъ различіемъ западной Россіи отъ восточной въ стремленіяхъ ея князей, въ сильномъ развитіи въ ней дружиннаго и вѣчевого началъ, Н. И. Костомаровъ задумалъ связать этнографическими узами главнѣйшія племенные группы всей западной половины Россіи—кіевскихъ полянъ и новгородскихъ словенъ—и доказывалъ, что послѣдніе составляли какъ бы колонію, вышедшую изъ племени полянъ, и что потому новгородцы такъ тѣсно были связаны въ до-татарскія времена съ Кіевомъ, причемъ и Смоленская область, а за ней и Черниговская сами собой входили въ эту до-татарскую федерацію. Но не только филологія, въ которой, надобно замѣтить, Н. И. Костомаровъ оказался мало свѣдущимъ, но и исторія возстала противъ такого объединенія западной половины Россіи“. Я высказывалъ свои предположенія о древней колонизаціи края новгородскихъ славянъ изъ южной Руси и доказывалъ тѣмъ, что уцѣлѣвшіе, но уже стирающіеся слѣды новгородскаго народнаго нарѣчія до сихъ поръ еще показываютъ сходство съ нарѣчіемъ въ южной Руси, напр., выговоръ буквы *ь* за *і*, отсѣченіе *ть* въ изъявительномъ наклоненіи, употребленіе тѣхъ же частицъ, что въ южно-русскомъ нарѣчіи: що, абы, нибы, нехай—и множество словъ существительныхъ и глаголовъ, одинаковыхъ съ южно-русскими. Авторъ книги, о которой идетъ рѣчь, уличаетъ меня